

ОЛЕГ МАГЕЛЕВСКИЙ

Приключения кота Мерлина – 2

НОЧЬ В МУЗЕЕ

Олег Магелевский

**Приключения кота
Мерлина – 2. Ночь в музее**

«Издательские решения»

Магелевский О.

Приключения кота Мерлина – 2. Ночь в музее /
О. Магелевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839623-6

Кот Мерлин умеет творить чудеса, а именно: ограждать свою Хозяйку от всех неприятностей, которые ей грозят. На этот раз Мерлину приходится мобилизовать свою агентурную сеть и даже привлечь сторонних специалистов, чтобы не только нейтрализовать преступников, но и спасти Хозяйку от самой себя, а точнее, от ее решения завещать свою коллекцию живописи ловкому мошеннику. Агенты Мерлина снова работают под прикрытием, чтобы обеспечить Хозяйке счастливую жизнь в окружении любимых произведений живописи.

ISBN 978-5-44-839623-6

© Магелевский О.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Приключения кота Мерлина – 2 Ночь в музее

Олег Магелевский

© Олег Магелевский, 2017

ISBN 978-5-4483-9623-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Перед выходом Мерлин и Прохор решили перекусить. Нельзя же идти в музей на голодный желудок. Особенно на выставку картин. Особенно котам. Мерлин еще мог потерпеть, но вот Прохор... При виде хорошего натюрморта он становился сам не свой. Все эти копченые окорока, крабы, омары, креветки, устрицы, просто жареная рыба на тарелочке... Легко ли такое вытерпеть на голодный желудок? Когти Прохора так и тянулись к холсту.

«А вот этого допускать нельзя, – думал Мерлин, наблюдая за тем, как стремительно исчезали консервы на тарелке Прохора. – Смотреть хорошие натюрморты можно только на сытый желудок». Прохор ел сосредоточенно, не отвлекаясь, слегка позвякивая тарелочкой. Он полностью осознавал важность всей миссии – помешать хозяйке Мерлина *завещать* свою коллекцию живописи музею. Ни больше ни меньше.

В тот момент, когда Хозяйка решила сделать этот во всех смыслах достойный и благородный шаг, спокойной жизни Мерлина пришел конец. «Как „завещать“? – возмутился Мерлин, нервно подергивая своим серым пушистым хвостом. – Я пока помирать не собираюсь. Вот помру, тогда и завещай, кому хочешь. Замуж выходи, собак заводи, целуйся с ними – делай что хочешь! А мне такая „благотворительность“ не по карману!»

Но Хозяйка слышала только «Мяу, мяу!»

– Колбаски хочешь? Колбаски? – спросила она, наивно улыбаясь. – Он хочет колбасочки, мой хороший! Ну, на! На!

«Не надо мне зубы заговаривать! Я копченую не ем, – говорил Мерлин, лениво отворачиваясь от колбасы. – Я ей про Фому, она мне про Ерёму... Ну, не ем я копченую... Не люблю я специи... Ну, ладно, так и быть...», – и Мерлин принимался за колбасу.

«Да-а-а, милая моя... Умеешь ты находить приключения на мою голову», – думал Мерлин, умываясь после неожиданного (но приятного) внеочередного завтрака из копченой колбасы. – А я потом за тебя разбирайся... И, вообще, почему все добрые поступки в этом доме совершаются за мой счет?»

Коллекция живописи была Мерлину совершенно необходима. Без нее он чувствовал себя неполноценным. Только представить себе, что утром, выйдя к завтраку, потянувшись и картинно упав посреди кухни, он не увидит на стене своего любимого полотна «Калачи и колбасы» (между прочим, оригинальную работу Кончаловского), было просто невыносимо. Мерлин с самого детства помнил эту картину, сидел под ней и, жуя котлетку или крылышко, или лапку, задумчиво глядел на все это изобилие. Можно сказать, что Кончаловский сформировал его вкус. И теперь все это великолепие надо просто *взять и отдать*. И кому? Чужому дяде!

Кстати, о дяде... Откуда, как вы думаете, в голове у женщины могут возникнуть безрассудные и нелепые мысли? Уж конечно, не от кота. От кота может только прибавиться рассудительности. Все безрассудные мысли от *незнакомцев*.

Незнакомцы появляются в жизни женщины по-разному. Кто-то появляется постепенно, кто-то – внезапно. Некоторые просто врываются в жизнь хозяек. Причем стремительно. И вот тогда жизнь кота идет прахом. Хотя начинается все вполне невинно: незнакомец приходит, пьет чай или кофе, вежливо прощается и уходит. Потом он начинает сидеть в гостиной, тереться о спинку дивана, везде оставлять свою шерсть и пользоваться хозяйским лотком. Постепенно в доме начинает не хватать котлет, мяса, рыбы, начинается голод...

Но этот незнакомец был особенный. Он был директором музея. Он устраивал выставки. Он носил очки. У него был не «кошелек», а «портмоне». У него был не «шарф», а «кашне». А летом он носил не туфли, не кроссовки, не сандалии и даже не мокасины, а «лоаферы» (только попадись они Мерлину, уж он ему устроит показ мод!).

Он был внимателен и обходителен со всеми без исключения. Он был галантен с дамами. Он нравился детям и старушкам (но только не кошкам, их не проведешь). При этом он был прохладен, как апрельский ветер. Казалось бы, какое облегчение для Мерлина, но... он говорил на трех языках, и этим сразил Хозяйку в самое сердце.

Несмотря на то что Мерлин был котом, он вполне осознавал всю могучую силу слова. Недаром его звали Мерлин – уж кому, как ни ему, знать толк в заклинаниях и заговорах. Так или иначе, но на женщин слово действовало особенно сильно. Особенно кошачье слово. Скажешь «Пурр, пурр» или «Мурр-мяу», и сердце девичье тает. Глядишь, и в тарелочке что-нибудь заведется. Ну, хоть колбаса копченая.

Да-а-а... Слово имеет сокрушительную силу. По крайней мере, Хозяйку слово било напо-вал. Как дробовик. «Бедная моя переводчица... – думал Мерлин, лежа у Хозяйки на коленях. – Бр-р-росай ты свои переводы, и поехали на дачу».

2

Но сейчас Мерлину и Прохору было не до мирных дачных радостей. С тех пор как Хозяйка надумала завещать свою коллекцию музею, они находились в состоянии войны или, по крайней мере, постоянной боевой готовности.

Этим летом Хозяйка на дачу тоже, видимо, не собиралась. Об этом говорило отсутствие на подоконниках ящиков с рассадой, которую Мерлин так любил. Конечно, сами ящики он тоже любил, а землю в ящиках – еще больше, но свежие витамины в рационе ему бы не помешали.

«Ну, что такого сложного в том, чтобы посадить сто или двести кустиков рассады? – размышлял Мерлин бродя по пустому подоконнику. – Я бы сам посадил. Они же такие сочные, такие свеженькие. Эх-х-х! Все приходится делать самому».

Да, Хозяйке явно было не до рассады. Голова была занята совсем другим. Хотя чем, она и сама не смогла бы сказать. Чем занята голова у женщины, сказать, в принципе, трудно. Мерлин иногда думал, что в головах у людей хороших, правильных мыслей вообще нет. Одни инстинкты. «Хотя взгляд у людей нередко очень осмысленный, – часто думал Мерлин, пристально глядя на Хозяйку. – Особенно, когда они смотрят в телевизор или монитор. Можно подумать, что они, действительно, там что-то видят».

Состояние глубокой и напряженной задумчивости – это состояние, типичное для кошек, а не для людей. В этом состоянии кошки проводят примерно половину своей жизни. Если внимательно посмотреть, то почти на каждом подоконнике можно увидеть кошку в таком состоянии. Людям оно почти не свойственно. А Хозяйке особенно. Особенно этим летом.

Этим летом Хозяйка, по выражению Мерлина, который очень любил литературу по военной стратегии, подвергалась информационным атакам. Ей постоянно приходилось отвечать на телефонные звонки, если только Мерлин их не сбрасывал. Одно изящное движение пушистой лапки – и тишина. Атака отбита, и можно спокойно заниматься своими делами. Перекусить, например.

Но директор музея был настойчив. Он звонил снова.

– Да! – отвечала Хозяйка, и на ее лице появлялась наивная улыбка. – Выставку? Давайте! Давайте устроим. Посмотреть? Зайти? Да, конечно! Заходите!

После этого Хозяйка долго сидела, улыбаясь, на диване, а Мерлин смотрел на нее, как на тихо помешанную. «Хоть бы сказала, что ты занята, что освободишься попозже. Надо знать себе цену, милая моя. А то никаких картин не напасешься», – рассуждал Мерлин сидя на полу напротив Хозяйки.

А Директор, между прочим, заходить не торопился. «Вот уж кто себе цену знает, – думал Мерлин. – Умеет заинтриговать».

Ожидание – это такое время, которое никогда не знаешь, куда потратить. Хозяйка время ожидания проводила совершенно нерационально. То она бежала в ванную, и Мерлин бежал за ней (а вдруг там пожар?), то она бежала на кухню, и Мерлин за ней (а вдруг еще не везде пыль протерта?), то она бежала одеваться, и Мерлин за ней (а вдруг что посоветовать придется?) и так далее... В последний момент она решила «слегка» прибраться. В этом состоянии и застал ее Директор: со шваброй в руке, халате и тапочках.

Мерлин был очень доволен. «Пур-р-рекрасная мизансцена, – произнес он, проводя лапкой от уха к носу. – Теперь он больше *никогда* не придет. Мне и стараться не надо. Ты, моя милая, всю работу за меня проделала». Но Директора вид Хозяйки, кажется, несколько не смутил. Скорее, напротив. Он пару раз с интересом взглянул на нее и снова принял свой обычный деловой вид.

– Ну, что? Давайте посмотрим, и я побежал.

– Конечно, давайте. Проходите, – ответила Хозяйка.

«Конечно! Давайте посмотрим! – ворчал Мерлин, подняв трубой свой серый пушистый хвост. – Давайте сразу ему покажем, где деньги лежат, и номер счета назовем».

– Вот здесь Машков, Кончаловский, Лентулов, – показывала Хозяйка. – Это все малоизвестные работы. Даже фото не найдете.

– Натюрморт Лентулова – очень редкая вещь! – сказал директор, и в руке его откуда ни возьмись появилась лупа. Но Хозяйка этого даже не заметила.

– А здесь Ларионов, – продолжала она. – Вот эти пошуары Гончаровой мой папа из Парижа привозил... Он с ней дружил, в мастерской у нее бывал. Даже позировал пару раз. Знаете, у нее есть работа такая со жнецами? Один из них мой папа.

– Это который с бородой? – с умным видом поинтересовался Директор.

– Да они все, кажется, с бородами... – растерялась Хозяйка.

– Прямо как Маркс и Энгельс! – сказал Директор и усмехнулся.

– Да-а-а... Как-то так, – неуверенно подтвердила Хозяйка. – А вот это конструктивизм. Татлин, Родченко. Настоящие раритеты, – продолжала она. – А пошуары Гончарова моему папе как сувенир подарила. Вот здесь даже надпись есть на память: «Саше от Наташи».

«Пошуары... Какое слово приятное, – подумал Мерлин. – А вот ты мне не очень нравишься», – добавил он и бросился на носки Директора.

– Не-ве-ро-ят-но! – застонал Директор, с трудом отрывая от себя кота. – Здесь материала на несколько выставок. Можно я сделаю фото? – спросил он и, не дожидаясь ответа, достал фотоаппарат.

– А вот это портрет моей бабушки... – сказала Хозяйка, глядя на старинное фото, и на лице ее появилась добрая задумчивая улыбка.

– Она немножко натюрморт закрывает, – сказал Директор и отодвинул фотографию в сторону. – Да-а-а... Вам очень повезло. Вы об этом знаете? – продолжал он, убирая фотоаппарат обратно в портфель. – А уж мне как повезло с вами! – добавил он, загадочно взглянув на Хозяйку.

«Ты даже не представляешь, как тебе с „нами“ повезло», – сказал Мерлин.

3

С этого дня Мерлин мог лишь бессильно наблюдать, как коллекция Хозяйки постепенно, картина за картиной, эскиз за эскизом, набросок за наброском «переезжала» в музей. Якобы на выставку. Якобы на благотворительную.

«Знаю я эту благотворительность, – цинично рассуждал Мерлин (хотя он был еще довольно молодой кот, настоящего кошачьего цинизма у него было уже предостаточно). – И, вообще, зачем мне благотворительность? Ну, ладно, Хозяйке она зачем-то нужна. Ну, хорошо. Занимайся благотворительностью, какой хочешь. Можешь даже собачьему приюту все отдать, но зачем *меня* в это втягивать? Я лично благотворительностью заниматься не собирался. Могла хотя бы спросить», – говорил Мерлин с обидой.

Да и как тут не обижаться, если каждый день видишь одно и то же: как серьезные люди в белых перчатках снимают картины со стен и выносят, выносят, выносят... «Хоть бы раз что-нибудь *занесли!*», – возмущался Мерлин. Сначала выносят на выставку, а потом и завещание заставят подписать.

Да, тяжело наблюдать, как мимо «проплывают» знакомые с детства пейзажи и натюр-морты. Так вся жизнь «мимо лап» проплывет. Глазом моргнуть не успеешь. И, главное, нет никакой гарантии, что картины все-таки «приплывут» обратно. Эта мысль беспокоила Мерлина больше всего.

Конечно, Директор обещал Хозяйке все вернуть и даже подписал с ней какой-то документ о том, что картины арендуются для участия в выставке. В *одной* выставке. *Одной!* А теперь разговор шел уже о второй и о третьей. А там и пятая, и десятая не за горами. А потом «уплывет» вся коллекция за границу. Тоже как будто на выставку. И поминай как звали.

Так рассуждал Мерлин. А Хозяйка об этом не рассуждала. Иногда Мерлин думал, что людям это вообще не свойственно. В принципе. Но все-таки она что-то чувствовала, что-то смутное, какое-то беспокойство или сожаление. Особенно, когда заходила в спальню или в гостиную и видела эти ужасные голые стены со следами от рамок на обоях. Мерлин всегда забегал за ней следом и, выйдя на середину комнаты, громко и выразительно говорил «МЯУ!», как бы желая показать, что вся эта выставка – одна большая, огромная, чудовищная (величиной с волкодава) ошибка.

Но Хозяйка, кажется, ничего не понимала и, поправив очки, говорила:

– Ну что, мой хороший? Что такое? Колбасочки хочешь? Или котлетку? Или холодец? Ну, пойдем, пойдем, мой хороший!

«Кошмар! Снова придется перекусить. Тяжело, а надо. А куда от тебя деваться? – и Мерлин обреченно направлялся к холодильнику. – Только мне без этой ужасной желтой подливки! Как же ее? Без горчицы!» – добавлял он на ходу.

Каждый внеочередной завтрак или обед всегда оказывает благоприятное воздействие на кошачье настроение. Как правило, бодрит и настраивает на рабочий лад. «Главное, не раскисать!», – говорил себе Мерлин, налегая на холодец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.